

ФЕДОР ГАЙДА*

РАЗВЕЯТЬ ЗАВЛУЖДЕНИЯ О ЗАВЛУЖДЕНИЯХ**

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ КОНСТАНТИНА ДУШЕНКО О РУСОФОВИИ

Душенко К. В. «Русофобия» в ряду прочих фобий и маний : из истории политического языка. — М. : ИНИОН РАН, 2024.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-384-392.

Политические фобии и мании уже получили не только множество адептов, но и благодарных исследователей (например: Зеленов и др., 2019; Танышина, 2023; Gleason, 1950). Гораздо меньше ученых, которые рассматривают эту проблематику с точки зрения не истории идей, а истории понятий. Константин Васильевич Душенко задался именно такой целью — не новой для него, поскольку в последние годы вышел целый ряд исследований по близкой тематике. Автор книги — кандидат исторических наук, сотрудник ИНИОН РАН, составитель антологий афористики, справочников по изречениям и цитатам, переводчик, а также профессионал в области цитатологии (Душенко, 2019) и истории политического языка (Душенко, 2018; 2023). К. В. Душенко выбрал путь известного абстрагирования исследователя от объекта исследования, что обычно и постулируется в рамках всего направления истории понятий. При этом сохраняется общий просветительский пафос, с которым связан взятый из А. С. Пушкина эпиграф: «Определяйте значение слов — и вы избавите свет от половины его заблуждений». В данном случае предстояло развеять заблуждения касательно заблуждений. Сделать это можно было только через конкретизацию языка и усиленную контекстуализацию его эволюции.

Итак, монография посвящена обозначениям национальных фобий и мегаломании в политическом языке. Преимущественно рассматривается терминология XIX в., но в отдельных случаях автор захватывает более поздние эпохи и даже современность. Отправной точкой

*Гайда Федор Александрович, д. и. н., профессор, МГУ имени М. В. Ломоносова, fyodorgayda@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9586-8010.

**© Гайда, Ф. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

в значительной степени выступали 1830–1840-е гг. — и дело не столько в нарастании европейского национализма, сколько в развитии гуманитарной терминологии: науки о духе, уже сделавшие первые серьезные шаги, спровоцировали широкое стремление к формулированию терминов, даже известное «терминобесие» этого времени. В России, например, именно в это время складываются наборы знаменитых и впоследствии укоренившихся «измов». И суть не в том, что они имели общепринятое содержание, а в первую очередь как раз в их употреблении в качестве ярлыков. И с этими ярлыками ученому не всегда легко разобраться. Яркость ярлыка оборотной стороной имеет нечеткость, размытость термина и, следовательно, легко заводит в тупик. Понятный нам язык XIX столетия обманывает нас своей кажущейся понятностью. Автор монографии это хорошо осознает и постулирует.

К. В. Душенко отмечает:

Основные обозначения национальных фобий и маний носили интернациональный характер, но круг значений, который связывался с ними в различных языках и различных национальных культурах, совпадал далеко не всегда. Выявление и анализ этих различий — одна из основных задач монографии (Душенко, 2024: 7–8).

Основным источником выступает пресса: английская, французская, немецкая, русская. Публицистика всегда была плодотворна в той сфере, которая интересна исследователю. Изучение облегчается наличием целого ряда электронных баз с возможностью полнотекстового поиска, охватывающих печать на основных европейских языках, а также центральную советскую печать: <https://www.newspapers.com/>, <https://gallica.bnf.fr/>, <https://www.retronews.fr/>, <https://www.digitale-sammlungen.de/en/>, <https://nutzungshinweis.slub-dresden.de/>, <https://brem.a.suub.uni-bremen.de/suub>, <https://www.e-newspaperarchives.ch/>, <https://dlib.eastview.com/>. Русская дореволюционная печать пока таких баз не имеет. Из иных источников примечательны популярные песни, которые от прессы в данном случае неотделимы (по старому отечественному принципу: «утром — в газете, вечером — в куплете»). Использовались также словари, но с учетом их тогдашних особенностей: невысокого профессионализма и заметной ангажированности.

Во Введении (раздел I) автор показывает, что соответствующая терминология приходит в политику из медицины (там же: 13–15). Активный переход в политический словарь, несмотря на ранние примеры середины XVIII в., вполне очевидно, происходил в связи с развитием европейского

национализма первой половины XIX в. При этом медицинская «фобия», то есть дословно «страх» (др.-греч. φόβος), трансформируется в «ненависть» (Душенко, 2024: 15–18). Иными словами, речь уже идет об оторефлексированности явления, его превращении в рациональный политический инструмент.

Среди разнообразных ксенофобий («галлофобии», «англофобии», «юдофобии») К. В. Душенко избирает сюжет, наиболее значимый в контексте отечественной истории. Автор исследует историю понятия «русофобия» и близких ему понятий в английской, немецкой и российской (советской) традиции. Другим (параллельным) сюжетом становится история французского понятия «шовинизм», английского термина «джингоизм», а также современного русского слова «турбопатриоты». Напрашиваются еще два сюжета, которые составляют лакуны в данной работе. Стороной обойдена история французских аналогов «русофобии», а также понятий, связанных с немецкой мегаломанией. Это было бы тем более интересно, что в XIX в. обозначаются четкие вехи в развитии этих сюжетов. Рождение Второго рейха резко активизировало дискуссии о будущем Германии в Европе и мире. Французская терминология должна была зависеть от смены политических режимов и резких перепадов в отношениях с Россией. Русско-французский союз, оформившийся в 1891–1894 гг. и преданный огласке в 1897 г., кардинально влиял на отношение к «русофобии» во Франции. Эти темы стоило бы рассмотреть в будущем.

«Русофобия» (раздел II) в английских словарях и языковых пособиях трактовалось в первую очередь как страх перед Россией или русскими (там же: 37–38). Однако история этого понятия, изложенная в книге, заставляет усомниться в том, что именно такое понимание — основное. Сам термин, судя по всему, появился в феврале 1836 г. Автор, ссылаясь на Дж. Г. Глисона, называет среди причин британской русофобии российскую внешнеторговую политику (протекционистский тариф 1822 г.), ближневосточный и польский вопросы, а также обозначившийся в 1830-х гг. идеологический раскол Европы (там же: 40–41). Но особая острота в 1836 г. оказалась связана с черноморской акваторией: там постоянно задерживались британские суда с военной контрабандой для кавказских горцев. Действия англичан имели явный провокационный характер. Апогеем стало «дело Вискена» в ноябре 1836 г. Именно в это время началось масштабное русско-британское противостояние в Центральной Азии, получившее позднее с легкой руки Р. Киплинга именование «Большой игры». В 1838 г. англичанами впервые была

проведена десантная операция в Персидском заливе (с целью запугать дружественный России Иран), в 1839 г. они также впервые выступили на Кабул (Айрапетов, 2017: 239–256, 258–274). Если подобные действия были вызваны страхом перед Россией (которая могла предпринимать лишь ответные действия, и то не всегда), то это был страх весьма специфический: страх перед собственными фантазиями, который тем не менее мог вполне успешно конвертироваться в продуманную политику.

В феврале 1836 г. лорд Д. Стюарт произнес в британском парламенте речь, в которой прогнозировал создание военно-морского союза России, США и Нидерландов. К этому времени уже (с 1834 г.) существовал союз Британии, Франции, Испании и Португалии; британский и французский военно-морские флоты были сильнейшими в мире. Союзниками России на тот момент (с 1833 г.) были такие континентальные державы, как Австрия и Пруссия, а также Османская империя. Говорить о том, что британской морской монополии могло даже в среднесрочной перспективе что-то угрожать, было просто нелепо. Именно это отмечали противники лорда Стюарта, которые так же, как и он, принадлежали к партии вигов (но ее другому — радикальному — крылу во главе с Дж. С. Миллем) и подозревали лорда в стремлении добиться роста расходов на флот. Именно противники Стюарта упрекнули его в «русофобии» (Душенко, 2024: 45–47). Иными словами, термин изначально подразумевал намеренное разжигание ненависти, а вовсе не страх. Изображение «русофобии» как безотчетного страха было явной публицистической иронией.

В рамках той же антирусской пропагандистской кампании была опубликована фальшивая речь императора Николая I, в которой говорилось о готовности разрушить Варшаву в случае малейшего возмущения поляков. Тут стоит отметить, что именно на это реагировал М. Ю. Лермонтов в своем стихотворении «Опять, народные витии...», подражая пушкинской патриотической лирике 1831 г. Лермонтов задавался вопросом:

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает, вам обидна
Величья нашего заря,
Вам солнца Божьего не видно
За солнцем русского царя.

Иными словами, обозначалась та же дилемма: ненависть или страх? И Лермонтов отвечал:

Но честь России невреждена.
И вам, смеясь, внимает свет...

Таким образом, речь шла именно о попытке разжечь ненависть (Лермонтов, 1989: 276–277).

Общепризнанным профессиональным «русофобом» стал Д. Уркварт, при этом «русофобия» у него распространялась и на «варваров» немцев, но не на поляков — оплот против «славянских орд» (хотя польский язык рассматривался Урквартом как диалект русского) и не на турок — союзников европейской «цивилизации» (Душенко, 2024: 41–43). Наиболее сильным доводом против «русофобии» выступал выдвинутый еще в 1836 г., задолго до Крымской войны, вполне рациональный тезис о слабости России на море, неспособности противостоять морской экспансии англо-французской коалиции (там же: 50–56).

Далее автор показывает сохранение инструментального характера «русофобии». Как политический принцип, она в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. проявилась уже в большей степени у консерваторов, ранее к этому не причастных (там же: 61). Вместе с тем у американцев, при наличии разных превратных представлений о России, «русофобии» не фиксировалось (там же: 68–69). Наличие общего противника в виде британцев, что привело даже к тесному союзу в 1863–1865 гг., диктовало свою логику.

У немцев в связи с Польским восстанием 1830–1831 гг. появилось было слово «русобоязнь» (*Russen-scheu*), однако оно не прижилось (там же: 75–77). Затем под английским влиянием в 1840 г. возникло и позднее гораздо чаще использовалось понятие «русоедство» (*Russenfresserei*), которое было синонимом английской «русофобии» (там же: 77–80). Эта ситуация вполне показательна, поскольку лучше отражала суть явления (хотя и без английского юмора). Более точен оказался и сам термин. У немцев отношение к России более четко зависело от политической ориентации: прогрессисты были «русоедами», а консерваторы ввели для них это прозвище. Острота проблемы сгладилась после объединения Германии в 1871 г., когда фобии сменились маниями. Понятие надолго ушло из активного словоупотребления и вернулось лишь незадолго до Первой мировой войны (там же: 89).

Практически та же история, что и у немцев, приключилась с русским дореволюционным словом «русофобия». При этом естественным

образом в число «русофобов» записали и собственных радикальных либералов — жестких критиков отечественных порядков, да и всей русской жизни в целом (Душенко, 2024: 102–107). После 1917 г. слово достаточно быстро было признано устаревшим. Уже в послевоенное время понятие было возрождено И. А. Ильиным и затем И. Р. Шафаревичем, причем последний к традиционному пониманию (ненависть) присоединил и страх, зачастую неосознанный (там же: 111, 114–115). Отмечая резкий рост употребления термина с конца 1980-х гг., автор сам рискует поддаться неосознанному страху, напоминающему картины Васи Ложкина: «Такое соотношение, по-видимому, предполагает картину мира, чуть ли не сплошь охваченного русофобией» (там же: 116). В целом развитие массовой культуры, кажется, лишь усиливало роль неосознанных фобий.

Переходя к анализу некоторых понятий, связанных с национальными мегаломаниями (раздел III), К. В. Душенко обращается к французскому «шовинизму». Шовен как народный (или псевдонародный) герой появился в эпоху Реставрации и первоначально выступал в качестве деревенского парня-новобранца, занятого «любовными похождениями самого грубого толка» (там же: 121–122). Тут сложно было не увидеть идеальный образ «солдата-землепашца», популярный в эпоху Просвещения (Пюимеж, Мильчина, 1999: 155–160) и низведенный на грешную землю войнами Республики и Империи. Однако к этому образу вскоре присоединился еще один, совсем на него не похожий и связанный с ним лишь историческими обстоятельствами. Это был гроньяр (фр. *grognard* — ворчун) — наполеоновский ветеран, бонапартист, оказавшийся не у дел после 1815 г. Отныне неразборчивые интрижки были заменены вечным романом с одной дамой — Францией (Душенко, 2024: 122–125, 130). Понятие «шовинизм» стало широкоупотребимым со времен Второй империи, которая усиленно эксплуатировала образ Наполеона I. Слово имело критическое наполнение (там же: 135–136, 153–154). Предполагался иррационализм шовинистического настроения: несоответствие амбиций и реальных возможностей.

Британское понятие «джингоизм» родилось в 1878 г., на очередном пике русско-британского противоборства (там же: 162). Современники отмечали, что парламентская реформа 1867 г., включившая в число избирателей значительную часть обычных горожан, сильно упрощала политическую культуру и вела к формированию особого культа агрессии и насилия. Поклонение «святому Джинго» (этимология слова не слишком понятна) напоминало культ страшного духа Мамбо-Джамбо

(он же Мумбо-Юмбо; Душенко, 2024: 164–165). Первоначально понятие оказалось связано с «русофобией» (там же: 169). По сути, это была «русофобия» средних городских слоев. Однако уже к концу века русский контекст отошел на второй план, а основным стал колониалистский контекст. И вновь произошла инструментализация явления, что было отмечено тогдашним его исследователем Дж. А. Гобсоном (там же: 174–175). «Джингоизмом» стали называть агрессивную внешнеполитическую идеологию, после чего это слово уже позаимствовали американцы (там же: 176–178).

В результате К. В. Душенко фиксирует значительную разницу между «шовинизмом» — французским либеральным реваншизмом — и «джингоизмом» — британским колониализмом. Первый был склонен к замыканию на узкой французской повестке, он был скорее оборонительным, второй — наступательным и мессианским (там же: 178–179). Можно также сказать, что победный характер «джингоизма» позволял активнее использовать его в качестве инструмента политики. Интересно в данном случае было проследить параллель между «шовинизмом» и русским «турбопатриотизмом» (этот вопрос рассматривается в приложении к монографии). Понятие изначально, в 1980-е гг., было связано с появлением югославского «турбо-фолка», соединившего народные балканские напевы с музыкой диско и затем взятого на вооружение сербскими националистами (там же: 182–186). В России слово стало ассоциироваться с соответствующими турбинными механизмами, но при этом сохранило смысл, связанный с ультрапатриотизмом (там же: 188). Как и «шовинизм», «турбопатриотизм» не вышел за пределы критического ярлыка. «Джингоизм» оказался более привлекателен и взят на вооружение его сторонниками. В целом история подобных понятий показывает существенные отличия в политической культуре разных наций и, разумеется, специфику отдельных эпох. Англичанам игры с фобиями и маниями удавались лучше. При этом на протяжении XIX в. они продолжали шлифовать свое мастерство.

Хотя, как отмечено в аннотации, «издание предназначено историкам, политологам и лингвистам», оно будет интересно и более широкому кругу — прежде всего, в силу обилия сочных цитат. Публицисты позапрошлого века не скупились на краски и часто писали с непревзойденным изяществом. Современным авторам есть чему у них поучиться.

ЛИТЕРАТУРА

- Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. В 4 т. Т. 2. — М. : Кучково поле, 2017.
- Душенко К. В.* Красное и белое : из истории политического языка. — М. : ИНИОН РАН, 2018.
- Душенко К. В.* Цитата в пространстве культуры : из истории цитат и крылатых слов. — М. : ИНИОН РАН, 2019.
- Душенко К. В.* Метафоры, образы, символы : из истории культуры и языка. Сборник статей. — М. : ИНИОН РАН, 2023.
- Душенко К. В.* «Русофобия» в ряду прочих фобий и маний : из истории политического языка. — М. : ИНИОН РАН, 2024.
- Зеленов Л. А., Большаков М. Г., Владимиров А. А.* Русофобия : монография. — Нижний Новгород : ВГУВТ, 2019.
- Лермонтов М. Ю.* Полное собрание стихотворений. В 2 т. Т. 1. — Л. : Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1989.
- Пюимеж Ж. де.* Шовен, солдат-землепашец : Эпизод из истории национализма / пер. с фр. В. А. Мильчиной. — М. : Языки русской культуры, 1999.
- Таньшина Н. П.* Русофобия : история изобретения страха. — М. : Концептуал, 2023.
- Gleason J. H.* The Genesis of Russophobia in Great Britain : Study of the Interaction of Policy and Opinion. — Cambridge (Mass.), London : Harvard University Press, Oxford University Press, 1950.

Gayda, F. A. 2025. "Razveyat' zabluzhdeniya o zabluzhdeniyakh [Dispelling Misconceptions about Misconceptions]: razmyshleniya nad knigoy Konstantina Dushenko o rusofobii [Reflections on Konstantin Dushenko's Book on Russophobia]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 9 (2), 384–392.

FYODOR GAYDA

DOCTOR OF LETTERS IN HISTORY

PROFESSOR

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-9586-8010

DISPELLING MISCONCEPTIONS ABOUT MISCONCEPTIONS REFLECTIONS ON KONSTANTIN DUSHENKO'S BOOK ON RUSSOPHOBIA

DUSHENKO, K. V. 2024. "RUSOFIYA" V RYADU PROCHIKH FOBIY I MANIY ["RUSSOPHOBIA" AMONG OTHER PHOBIAS AND MANIAS]: IZ ISTORII POLITICHESKOGO YAZYKA [FROM THE HISTORY OF POLITICAL LANGUAGE] [in Russian]. Moskva [Moscow]: INION RAN

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-2-384-392.

REFERENCES

- Ayrapetov, O. R. 2017. [in Russian]. Vol. 2 of *Istoriya vmeshney politiki Rossiyskoy imperii [History of the Foreign Policy of the Russian Empire]*. 4 vols. Moskva [Moscow]: Kuchkovo pole.
- Dushenko, K. V. 2018. *Krasnoye i beloye [Red and White]: iz istorii politicheskogo yazyka [From the History of Political Language]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: INION RAN.
- . 2019. *Tsitata v prostranstve kul'tury [Quote in the Cultural Space]: iz istorii tsitat i krylatykh slov [From the History of Quotes and Catchphrases]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: INION RAN.
- . 2023. *Metafory, obrazy, simvoly [Metaphors, Images, Symbols]: iz istorii kul'tury i yazyka. Sbornik statey [From the History of Culture and Language. Collection of Articles]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: INION RAN.
- . 2024. "Rusofobiya" v ryadu prochikh fobiy i maniy ["Russophobia" Among Other Phobias and Manias]: iz istorii politicheskogo yazyka [From the History of Political Language] [in Russian]. Moskva [Moscow]: INION RAN.
- Gleason, J. H. 1950. *The Genesis of Russophobia in Great Britain: Study of the Interaction of Policy and Opinion*. Cambridge (Mass.) and London: Harvard University Press / Oxford University Press.
- Lermontov, M. Yu. 1989. [in Russian]. Vol. 1 of *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy [Complete Collection of Poems]*. 2 vols. Leningrad: Sov. pisatel', Leningr. otd-niye.
- Puymège, G. de. 1999. *Shoven, soldat-zemleparshets [Chauvin, le soldat-laboureur]: Epizod iz istorii natsionalizma [Contribution à l'étude des nationalismes]* [in Russian]. Trans. from the French by V. A. Mil'china. Moskva [Moscow]: Yazyki russkoy kul'tury.
- Tan'shina, N. P. 2023. *Rusofobiya [Russophobia]: istoriya izobreteniya strakha [The History of the Invention of Fear]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kontseptual.
- Zelenov, L. A., M. G. Bol'shakov, and A. A. Vladimirov. 2019. *Rusofobiya [Russophobia]: monografiya [Monograph]* [in Russian]. Nizhniy Novgorod: VGUVT.